

На столе стояли две ивовые корзины, доверху наполненные охапками полевых цветов. Солнечные лучи лились сквозь приоткрытое окно, отчего в комнате было чисто, светло и уютно.

Ван Сяочань и Чанся устроились на краю кана и вместе занимались рукоделием.

Они повстречались сегодня утром на берегу реки, когда оба косили траву. Набив корзины до отказа, они присели у самой воды передохнуть и от нечего делать нарезали ивовых прутьев, чтобы сплести шулки ради эти корзины.

Заметив, что Ван Сяочань никуда не торопится, Чанся позвал друга к себе, предложив сперва занести траву домой, а потом прийти поболтать. Тем более что сегодня в доме никого не было — только он сам да бабушка.

В семье Ван народу жило много, а комнат не хватало, так что Ван Сяочаню приходилось тесниться в одной каморке с двумя младшими сестрами, что, конечно, было донельзя неудобно.

Чанся сейчас шил ароматные мешочки — дело это было нехитрое, и он быстро управился.

Пару дней назад Чэнь Чжи как раз высушил немного цветочных лепестков и пахучих трав, да и в доме нашлось немного успокаивающих целебных кореньев с приятным ароматом.

Однако Чанся не спешил вставать за наполнением. Он поднял глаза, взглянул на Ван Сяочаня, который увлеченно вышивал шейный платок, и его брови слегка сошлись у переносицы, выдавая замешательство.

В памяти всё еще отчетливо стояла сцена, когда двоюродный брат Пэй Вэньцин угостил их дикими плодами, и те слова, что обронил тогда Пэй Яо.

«Брат-то наш, похоже, на Сяочаня заглядывается».

Каким бы нелюдимым и молчаливым ни был Чанся, он не мог совсем выкинуть это из головы. Близких друзей у него водилось раз-два и обчелся, так что дела единственного приятеля его, разумеется, беспокоили.

Вот только он ума не мог приложить, как подступиться к такому разговору.

Слова Пэй Яо оказались слишком уж прямолинейными, и у Чанся язык не поворачивался повторить их. Не мог же он заявить Сяочаню прямо в лоб: «Мой двоюродный брат на тебя запал».

Юноша хмурился, чувствуя, что если не спросит, то на душе так и будет скрести.

Ван Сяочань поднял голову и, заметив его озадаченный вид, с любопытством спросил:

— Ты чего?

Чанся медленно, с расстановкой выдавил:

— Сяочань, хочешь фруктов?

Ван Сяочань так и замер с иглой, а потом улыбнулся:

— Давай.

На небольшом столике, что стоял на кане, красовались два блюда: на одном горкой лежали грецкие орехи, на другом — гроздь диких ягод и земляника. Свежих плодов оставалось немного: они уже съели парочку в самом начале, а потом за работой руки оказались заняты, вот они и отставили угощение.

В чайнике томился настой из ягод дерезы и дикой хризантемы — всё это они сами собрали, тщательно промыли и высушили на солнце.

Когда Чанся заваривал чай, он бросил в чайник маленький кусочек колотого леденцового сахара. Вчера Доу Цзиньхуа дала ему крошечный кулечек, где лежало штук семь-восемь таких колотых сладких осколков.

У Пэй Яо тоже был такой кулек, но тот не стал ничего заваривать, а сразу отправил сладость в рот вместо леденца и долго сосал его, наслаждаясь вкусом.

Для того чтобы варить домашний целебный отвар из груш, их мелкие осколки не требовались — в сундуке у Чэнь Чжи хранились купленные на рынке большие куски леденцового сахара.

Чанся было немного жаль тратить свою долю, так что сам он съел всего один кусочек. Но сегодня к нему пришел лучший друг, и юноше захотелось заварить особенный, сладковатый чай, чтобы порадовать гостя.

Оба отложили рукоделие, принявшись лакомиться ягодами и прихлебывать едва сладкий чай.

Дома Ван Сяочаню леденцовый сахар перепал редко, да и сладкую воду он пил нечасто, так что сегодняшний чай пришелся ему по душе.

Впрочем, он не стал жадно осушать чашку за чашкой: деревенские подростки тоже знали толк в приличиях, и вести себя так, будто ты дорвался до чужого добра и пытаешься урвать побольше, было стыдно — люди на смех поднимут.

Чанся долго колебался, переводя дух, и наконец, поставив чашку на стол, осторожно спросил:

— Помнишь, в прошлый раз мой двоюродный брат угостил нас дикими плодами?..

Договорить до конца он так и не решился, замаявшись на полуслове.

Стоило Ван Сяочаню услышать это, как он тут же помрачнел и как-то рассеянно поджал губы. Его брови сошлись у переносицы, а на лице отразилось крайнее недоумение вкупе с досадой.

Он даже не стал допытываться, что именно хотел сказать Чанся, а вместо этого сам поспешил поделиться наболевшим:

— Да я на днях снова на него наткнулся.

Они жили в одной деревне, так что если не каждый день, то раз в два-три дня сталкивались нос к носу — дело-то привычное.

Но стоило Чанся услышать это, как его глаза мгновенно блеснули от любопытства.

— Он невесть где набрал целую горсть спелой земляники и попытался всучить её мне. Я рассудил, что это как-то нехорошо, и наотрез отказался. Думал, он после этого восвояси

пойдет, так нет же! Этот чудака развернулся и отдал все ягоды моей младшей сестренке.

Ван Сяочань в замешательстве почесал щеку и сердито добавил:

— А мелкая хороша! Уставилась на эту землянику, будто ничего слаще в жизни не видела, и хоть бы хны. Я ей и так, и сяк глазами намекаю — ноль внимания, взяла-таки ягоды.

Чанся на мгновение задумался, а потом мягко заметил:

— Так Сяосян всего пять лет, совсем еще дитя.

Деревенским ребятишкам сладости перепали по большим праздникам, так что нет ничего удивительного в том, что ребенок позарился на вкусную спелую землянику — беда невелика.

Ван Сяочань согласно кивнул:

— Да там и было-то всего на один зубок. Будь ягод больше, я бы ей ни за что не позволил взять.

Они съели еще по несколько ягод, и Чанся долил в их чашки чаю до самых краев.

Ван Сяочань снова нахмурился, точно никак не мог решить сложную загадку:

— И всё-таки странный он какой-то. С чего бы это ему первому встречному свои припасы раздавать?

Чанся поставил чайник на место и приоткрыл рот, искренне желая намекнуть другу, в чем тут соль, но смущение сковало его. Такие вещи и впрямь было неловко произносить вслух.

Пока он подбирал нужные слова, беспричинная досада Ван Сяочаня испарилась сама собой. Этот парень вообще не отличался злопамятностью или излишней душевной тонкостью. Он как ни в чем не бывало потянулся за своими пальцами и с сияющим видом продемонстрировал Чанся вышитый узор:

— Гляди-ка, на этот раз лотос вышел что надо, а? Скажи, красиво?

Чанся бережно принял ткань, внимательно разглядывая стежки, и с восхищением кивнул:

— И правда, загляденье!

Ван Сяочань с улыбкой закрепил последнюю нитку и похвастался:

— Ты себе тоже потом такой вышеешь. Ниток цветных, конечно, уходит уйма, зато какая красота получается! И ведь совсем несложно — я у матушки всего пару дней поучился и сразу руку набил. Давай я тебя научу, у тебя точно получится, вот увидишь.

Стоило зайти речи о красоте, как в мыслях Чанся тут же возник образ Пэй Яо.

«Пэй Яо ведь любит красивые вещи».

Вышить лотос по методу Сяочаня и впрямь было делом незамысловатым. В деревне все дети с малых лет умели держать в руках иголку с ниткой.

Те, у кого имелся природный дар, пусть и не могли тягаться с заправскими мастерицами и вышивальщицами из богатых домов, что тренировались с пеленок, всё же ухитрялись брать

заказы в городских лавках и зарабатывать монетку в семейный бюджет.

Ну а те, кого природа талантом обделила, брали усердием: простые узоры им тоже давались без труда. Пусть в их работе не было изысканной фантазии, но для того, чтобы украсить ярким стежком рубаху близким или вышить уголок платка, этого хватало с лихвой.

Чанся выудил из корзины для рукоделия простой белый платок, закрепил его в пальцах и принялся прилежно внимать подсказкам Ван Сяочаня.

Оба шуаньэра с головой ушли в работу, напрочь позабыв про существование Пэй Вэньциня.

Большую часть одежды и обуви для Пэй Яо шил именно Чанся, так что и шейные платки тоже были делом его рук.

Вот только Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа в вышивке тонким мастерством не отличались, оттого и умения Чанся оставались самыми заурядными.

Кроя платки для названного брата, он лишь тщательно и аккуратно обрабатывал края. И только если выдавалась свободная минутка, мог украсить уголок крошечным скромным цветком, выбирая для этого самые нежные, неброские оттенки.

Пэй Яо, впрочем, никогда не привередничал и с удовольствием носил эти вещи.

Чанся рассудил, что укрась он платок пышными, кричащими пунцовыми или пурпурными бутонами, парень бы точно наотрез отказался такое носить.

А вот узор с лотосом, который сегодня показал Сяочань, хоть и выдался крупноватым, благодаря нежно-розовым нитям не выглядел вычурно. А если добавить к нему бледно-зеленую кайму листа, выходило очень даже изящно и благородно.

В коротких перерывах между сушкой бобов семейство Пэй дружными усилиями убрало весь хлопок.

Сухие хлопковые стебли тоже начисто выдернули с корнем и перевезли к дому, свалив на пустующем пятачке перед воротами. Когда они окончательно высохнут, выйдет отличная растопка для печи.

Праздник середины осени приближался, и погода стояла на диво благодатная — как раз вовремя, ведь в пору сушки урожая проливные дожди могли погубить все труды.

Каждый день, стоило полуденному солнцу раскалить землю, а бобовой ботве высохнуть до звона — так, что стручки готовы были лопнуть от малейшего прикосновения, — вся семья по очереди бралась за цепи. Работали до седьмого пота. В таком бешеном темпе пролетело несколько дней, но зато им удалось полностью выбить все бобы из сухих стручков.

Опустевшую ботву подхватывали деревянными вилами, хорошенько встряхивали, чтобы выловить застрявшие зерна, и уносили в угол двора — тоже на дрова.

Вся земля оказалась усыпана толстым слоем спелых бобов. Их аккуратно подметали, провеивали на ветру с помощью огромных плетеных сит, очищая от сора и земли, после чего рассыпали на циновках, чтобы высушить под теплыми лучами до полной готовности.

В сумерках.

Вскипятили несколько огромных котлов воды, и еще до того, как солнце окончательно закатилось за горизонт, все домочадцы успели хорошенько отмыться и вымыть головы, наконец-то почувствовав себя чистыми и свежими.

Чанся и Пэй Яо вымылись первыми, так что их волосы уже успели просохнуть.

С наступлением темноты в деревне полагалось ложиться спать, поэтому ребята не стали заплетать сложные косы, а просто перехватили пряди простыми матерчатыми лентами, чтобы потом было легко распустить перед сном.

Золотистые отсветы заката медленно таяли, окрашивая лица людей теплым, янтарным сиянием.

Этот нежный, прощальный свет угасающего солнца отражался в чистых глазах Чанся.

Пэй Яо на секунду замер, глядя на него, затем принял из рук названного брата шейный платок и развернул его, разглядывая узор. Такого рисунка он прежде у Чанся не видел.

— Сам вышил? — спросил он.

Чанся кивнул:

— Угу.

Пэй Яо перевел взгляд с его лица на изящные стежки на ткани и одобрительно протянул:

— Красиво вышло.

Цветы и листья лотоса были бледными, неброскими — никакой кричащей пестроты, так что парню носить такую вещь было вовсе не зазорно перед людьми.

Глаза Чанся невольно сощурились от едва сдерживаемой улыбки, а на душе сделалось тепло и радостно от этой безмятежной похвалы.

Пэй Яо уловил боковым зрением эту мимолетную улыбку и только поднял глаза, чтобы получше разглядеть лицо названного брата, как Чанся тут же смущенно поджал губы, поспешно пряча свою радость.

И всё же в его чистом взгляде отчетливо читался восторг.

Подумаешь, простой шейный платок! Чанся шил их из года в год, Пэй Яо привык носить их как нечто извечное, но сегодня обычное рукоделие вдруг заслужило искреннее восхищение.

Пэй Яо бережно спрятал платок за пазуху и, убедившись, что во дворе никого нет, стремительным движением вскинул руки, обхватив ладонями щеки Чанся, и ласково потрепал их.

Чанся от неожиданности так и замер, широко распахнув глаза.

Взгляд Пэй Яо сиял. Его темные зрачки были чистыми и ясными, на губах играла беззаботная улыбка, а во всем облике сквозила та благородная, дерзкая красота, которой его так щедро наделила природа. Истинный красавец, от которого трудно отвести взор.

Сердце Чанся вдруг странно и гулко екнуло.

Может, от испуга, а может, от какого-то иного чувства, которому он и сам не мог подобрать названия.

Впрочем, не успел Чанся возмутиться или оттолкнуть его, как Пэй Яо отпустил его лицо и даже отступил на полшага назад.

Заметив, что названный брат всё ещё стоит как громом пораженный, и опасаясь, как бы Чэнь Чжи не застал их за этой сценой и не подумал чего дурного, Пэй Яо негромко обронил:

— Ладно тебе, ступай в дом. На улице уже свежо.

Вечерний ветер и впрямь подул прохладой. Опасаясь, как бы Пэй Яо снова чего-нибудь не выкинул, Чанся невпопад уткнулся и поспешно скрылся за дверью.

Стройный, высокий юноша остался стоять посреди двора. Дождавшись, пока дверь западного флигеля плотно закроется, он снова выудил из-за пазухи новый платок, еще раз взглянул на нежные лепестки лотоса, и его губы сами собой расплылись в довольной улыбке.

*

За день до Праздника середины осени на пороге родительского дома одна за другой появились Пэй Ютан и Пэй Чайань.

Пэй Чайань была младше Пэй Цзаоя на целых пять лет. Пока ноги еще носили её, она старалась не пропускать ни Праздник середины осени, ни Новый год, непременно выбираясь провести престарелых родных.

Семья Пэй была немногочисленной, близкой родней они похвастаться не могли, так что среди всех родственников младшая сестра и тетка, разумеется, считались самыми дорогими гостями. Чэнь Чжи для них никогда ничего не жалел.

В прежние времена, когда они перебивались с хлеба на воду, хозяева ухитрялись прикупить хоть полцзиня мяса, чтобы встретить гостей как подобает, ну а теперь, когда жизнь пошла в гору, и вовсе не скупились.

Едва Пэй Ютан со своим семейством переступила порог, как Пэй Яо, повинувшись зычному оклику Чэнь Чжи, тут же отправился на задний двор и изловил утку.

К тому времени как в ворота вошла Пэй Чайань, птица уже была забита и ощипана.

Пэй Яо остался весьма доволен этой уткой — мяса на нейросло прилично.

Пусть в последние недели забот по осени хватало выше крыши, они с Чанся то и дело выкраивали минутку: раз в два-три дня отправлялись к реке, копали дождевых червей, переворачивали прибрежные валуны в поисках улиток и пресноводных моллюсков. И утки от такого сытного лакомства и впрямь заметно раздобрели.

Мясо уже аппетитно булькало в огромном котле, а Чанся крутился на кухне, помогая подготавливать овощи и корни.

Они спозаранку нарезали все припасы, чтобы гости, едва переступив порог, сразу увидели ломящийся от яств разделочный стол — от такого зрелища у любого на душе станет тепло и покойно. А то ведь бывает: придешь в гости, а там печь холодная, шаром покати, ни единой

травинки не припасено — сразу видно, что хозяева тебе не рады и задерживать не собираются.

Окно кухни было распахнуто настежь. Чэнь Чжи ловко орудовал ножом, не забывая весело перекликаться и шутить с сидящими во дворе родственниками, так что атмосфера царила на редкость праздничная и душевная.

В этой суматохе и веселье Чанся вовсе не чувствовала себя обделенным вниманием.

Ему исполнилось девятнадцать лет, и деревенская родня прекрасно видела, что шуаньэр вошел в пору зрелости. Раз уж помолвка между детьми была заключена еще в нежном возрасте, пришло время поговорить о свадьбе.

Пэй Чайань, которую всегда живо пекло благополучие семьи и продолжение их рода, с сияющей улыбкой осведомилась у Доу Цзиньхуа, когда же они планируют сыграть свадьбу для этих двоих. Уж на свадебный пир к племяннику Яо она приедет при любых обстоятельствах, чего бы ей это ни стоило.

Стоило зайти речи об этом, как Доу Цзиньхуа расплылась в счастливой улыбке и с гордостью поведала, что они уже вовсю готовят свежий хлопок для свадебных одеял. Если в следующем году пир закатить не успеют, то уж через год — непременно сыграют свадьбу.

Пэй Яо, слушая эти разговоры, вовсе не смущался и не прятал глаза, как Чанся. Он сидел себе преспокойно посреди двора, ни капли не краснея и не выказывая ни малейшей неловкости, лишь время от времени согласно кивал и добродушно ухмылялся.

Чэнь Чжи тоже не стал ничего утаивать или юлить, а прямо и открыто принялся обсуждать с Пэй Ютан грядущее торжество.

Правда, заметив, с каким довольным и горделивым видом развалился на лавке его собственный сын, он, выждав момент, когда остальные отвлеклись, несколько раз наградил Пэй Яо суровыми, предостерегающими взглядами.

Пэй Цзаоань тем временем степенно беседовал с зятем и племянником, то и дело подвигая поближе к трем внукам угощение, чтобы те без стеснения лакомились спелыми фруктами.

Огромные, налитые багрянцем плоды граната были разломлены надвое, являя миру россыпь крупных рубиновых зерен, похожих на драгоценные прозрачные кристаллы.

Спелая, ярко-красная хурма легко лишалась тонкой кожицы, и её нежная, приторно-сладкая мякоть таяла на языке, оставляя после себя медовое послевкусие.

В этот светлый Праздник середины осени под крышей дома Пэй царили мир, покой и долгожданное семейное счастье.

<http://bllate.org/book/17875/1731510>